

Одесский триптих

Фонтан

Мне необходимо подарить тебе мой Большой Фонтан. Поверь, он — правда мой. С первых шагов и с первых слов. Мне бы хотелось поделиться с тобой этим.

Там — обзор моря и корабли на рейде. Я помню, когда их было очень много. И помню, когда вообще не было. Там — первая в жизни мною покоренная крыша, за которой — горизонт. Ты увидишь каждый знакомый мне пирс, ржавчину причальных колец.

Я покажу тебе старые дачи, хранящие в себе любовно-грустные истории, отпечатанные на трофейной немецкой машинке "Олимпия". Прочтешь имена целых поколений влюбленных и любивших на скамейках в парке дома отдыха "Октябрь". Мы пройдем мимо забора из ракушечника, построенного в 1938 году и хранящего свою летопись, выцарапанную на нем. Ты проведешь пальцами по царапинам моего имени (наверное, для тебя вырезала его отверткой после дождя в июле какого-то лета моей жизни). Сходим к ограде, чугунной, ручной работы, за которой парк, где когда-то не было для меня незнакомых тропинок. Теперь парка нет, тропинок, вероятно, тоже. И все совсем незнакомо. Но есть ограда. И есть фотография, на которой я и она. И ты. По ту сторону.

Я буду читать тебе стихи Цветаевой в моем родовом имении (я там — третье поколение!). Ты будешь легонько качаться в гамаке, а я, сидя в любимом кресле, читать вслух, изредка наблюдая движение теней от виноградных листьев по твоему лицу. Никто лучше Марины не скажет о нас. На столе между нами — зеленый чай и клубника. С тобой на гамаке — кошка. Глаза у вас обоих закрыты. И я не знаю: спите ли вы? Слышите ли Марину? Слушаете ли меня? Пусть это остается неизвестным для меня.

Я вижу, что тебе хорошо.

Я знаю, что ты счастлив.

Я этого хотела.

Дача художницы

Моим фонтанским друзьям — Кате Подковской и Даше Олифер

Детство для меня — неизменно Фонтан. Его двенадцатая станция, с ее обрывами, закоулками-переулками, старыми дачами и всегда — с морем!

И как же без красно-желтого вагончика восемнадцатого трамвая? Он всегда так лукаво и призывно выглядывает из-за угла остановки, будто желая сказать бегущим к нему пассажирам: "Ну, торопитесь же! Я уже здесь! Уже пришел!".

Там, на Фонтане, вообще было много необычного, нереального, сказочного: телевизионные антенны на крышах в форме бантиков, бабочек и паутинок, скворечники в садах (их особенно хорошо было видно поздней осенью или ранней весной, когда все вокруг по-особенному графично). Высокие многоярусные почтовые ящики с крышами вдоль улицы (они всегда казались нам широкоплечими дядьками в кепках). Двор одного странного дома, где жили белые люди — статуи, и сам дом со страшной каменной рыбьей мордой под самой крышей. Петляющие переулочки...

Одним из удивительных явлений двенадцатой станции были загадочные белые следы, начинавшиеся на стене какого-то сарайчика недалеко от кафе-мороженого. Они плавно спускались по забору, переходили на противоположную сторону улицы через трамвайные рельсы и исчезали в глубине дачного кооператива "Солнечный".

Белые следы больших белых ног...

Тогда, в мои четыре — пять — шесть лет я не знал, куда они вели. Узнал же лишь несколько лет спустя.

Дачный кооператив "Солнечный"... Путаные аллеи, площадка с качелями — полянка, домик дворника, гуси — куры — собаки, несчетное количество дач со старой мебелью, телефонная будка. С нее, пожалуй, стоило начать. Но...

Телефон в будке часто не работал. Позвонить можно было еще от дворника или от художницы, которая жила на одной из дач.

И, конечно же, когда моей летней подружке, живущей в "Солнечном", нужно было срочно позвонить бабушке, мы выбрали второй вариант.

— Пойдем, попросимся к художнице позвонить, — сказала подружка.

И мы пошли. Мне было жутко интересно! Я ведь еще ни разу не бывал там. Лишь, проходя мимо, приподнимался на цыпочки, пытаюсь разглядеть что-то через заборчик в запущенном саду.

Подружка позвонила в небольшой корабельный колокол, висевший у калитки. В глубине сада появилась седая женщина. Легкая шаль на плечах. Чем-то художница была похожа на постаревшую Цветаеву.

— Не могу найти ключи, ребята! Перелезайте! — крикнула она нам, махнув рукой на калитку.

Спрыгнув в сад, я увидел на мшисто-каменной дорожке стертые белые

следы босых белых ног. Так вот, оказывается, куда вели они! Сюда приглашали, звали.

В глубине сада, под ивами, оплетенная диким виноградом, жила зеленая "Победа". Дремала, уткнувшись мордочкой в прохладный мрамор фонтанчика с зеленоватой водой и мелкими яблочками, плавающими в ней.

Плакучая ива свешивала свои ветви до самой аллейки, и чтоб пройти к дому, нужно было раздвигать их. Кое-где из ветвей были сплетены косички.

— Мы с внуком соревновались — кто больше, — сказала художница, кивнув на косички.

Мягкий мох на дорожках сада. Дом. Каменная веранда с колоннами. Вернее, все это только угадывалось: и что веранда, и что с колоннами, и что каменная — все густо увито было диким виноградом.

Кресло-качалка на веранде. Платок, брошенный поверх нее. От одной из колонн к ближайшему дереву, старому ветвисто-разлапистому абрикосу, тянулся гамак.

Постоянно шуршали, не от ветра, кусты малины у забора. Там бродили кошки. Всех цветов и орнаментов: полосатые, однотонные, чуть ли не в кружочек! И акварельные портреты этих же кошек по всей веранде.

Потом, помню, мы пили чай, ели малину в прохладной круглой комнате в доме. Картины, эскизы, журналы, альбомы, книги, клубки ниток. Мебель, вырезанная из пней.

Откуда-то возникает телефон. Звонили ли? Забыли? Ведь мы в сказочном доме, в волшебном саду, в гостях у волшебницы!

А еще — в дальнем углу сада — деревянный домик со стеклянной крышей. Возвышается над садом. Потому что — на курьих ножках! Веревочная лестница туда.

— А это, ребята, моя мастерская...

Мольберты, краски, баночки-скляночки, еще что-то... И из мастерской на курьих ножках — дощатый переход в голубятню. Там — в штанишках, с воротничками голуби. Почему-то ассоциация с морячками вспоминается мне. Наверное, так же гордо вышагивали.

Думается, что если б эльф, рыжий и остроухий, промелькнул между старых черешен, не удивились бы мы...

Были еще две скамьи у фонтанчика. Вросшие в сад, сросшиеся с ним. И там мы сидели, художница рассказывала нам сказку, а с фары зеленой "Победы" ее слушала большая полосатая улитка.

...Спустя еще сколько-то лет мне довелось снова быть на даче художницы. Но тогда были уже другие сказки.

Зной

Зной разливался по улицам. Тек с крыш и деревьев на раскаленные сизые булыжники. Жители Города убегали к морю.

В полдень улицы были пусты и беззвучны. Редкие автомобили проплывали мимо. Ленивые коты спали в горячей тени акаций. Все замерло.

Казалось, что лишь мы продвигаемся к вечеру, сулящему хоть какое-то облегчение, через слоистый зной. Большая Арнаутская улица была невыносима. Свернули. Улица Канатная, обездвиженные автомобили. Время текло так медленно, что можно было ощутить его субстанцию.

Еще поворот — мы на Успенской. Благодатная тень и подобие прохлады. Ветви деревьев лежали на балконах и крышах домов. Мы приближались к пяти часам вечера. Но где же был вечер? До него надо было еще идти...

Незаметный, перекрытый забором стройки, квартал Маразлиевской. Очень тихо. Мы сели прямо на синие камни тротуара, потому что не было больше сил пробираться сквозь зной и время. Пыльные наши кеды тоже отдыхали. Напротив нас — маленькое уютное здание старой школы. Косые лучи сквозь листву. В этих лучах в самой середине квартала шел раввин в высокой черной шляпе и в сюртуке. Его трость почти не касалась земли. Со стороны Успенской улицы доносилось цоканье копыт по старому булыжнику. И он все шел, шел сквозь зной и время. Как и сто лет назад, вероятно, проходил по уснувшему от жары Городу. Вот так, неспешно, почти не касаясь тростью земли, на наших глазах переходил он, может быть, из 1910 года в этот 2005. Мы не видели его лица, но откуда-то я точно знаю, каким оно было.

Вскоре мы уже не могли рассмотреть его фигуру в высокой черной шляпе среди акаций, стоявших вдоль квартала. Но, нет, он не свернул за угол. До угла было еще далеко... Остались косые лучи сквозь листву и трафаретная тень на сизых булыжниках.

Зной отступал на запад, впуская в Город свежий ветер с моря.